

УДК 94(100) «19391945»

ОСТАРБАЙТЕРЫ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ КАК ОБЪЕКТ ПРОПАГАНДЫ И СУБЪЕКТ ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Гаража Н.А.

*Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Новороссийск, e-mail: ngarazha@yandex.ru*

В статье анализируются основные отправные точки национал-социалистической идеологии и практики разделения народов Советского Союза в пространстве оккупационного режима, лагеря для военнопленных и принудительных работ. Отмечается значительная разница между провозглашаемыми лозунгами и действительным отношением к народам Северного Кавказа со стороны нацистской Германии. Механизмы пропаганды и апелляции к этническим стереотипам и предрассудкам, к тщеславию, жажде выжить и иным качествам, часто идущим вразрез чувствам человечности, были четки и понятны, но не возымели должного действия вследствие несовпадения с действительностью и противоречия с ценностными убеждениями народов Кавказа. При как будто найденном рычаге влияния на казачество, на народы Кавказа, поиске и нахождении точек конфликта их с советской властью не был понят основополагающий момент социокультурного единства народов, общности их истории и традиций. Эти факторы стали доминирующими в спекуляциях и пропагандистских акциях, постепенно накапливающих ошибки и превращающихся из призыва к свободе в поток лжи и лицемерия. Исследование проблемы также показало, что категории «раса» и «национальность» для нацистского режима в рамках проблемы трудоустройства военнопленных и гражданских лиц оккупированных государств были тесно связаны с определениями «питание», «проживание», «заработной платы» и «квалификации рабочих мест». Таким образом, категорическим определением полезности выступал не сам человек в единстве его уникальных качеств и этнических характеристик, а наличие у него свойств воздействия против противника – Советского Союза.

Ключевые слова: восточные рабочие, остарбайтеры, военнопленные, Вторая мировая война, Третий рейх

OSTARBEITERS – REPRESENTATIVES OF ETHNIC NORTH CAUCASUS IN THE THIRD REICH AS AN OBJECT OF PROPAGANDA AND SUBJECT OF USING LABOUR

Garazha N.A.

*Novorossiysk branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Novorossiysk, e-mail: ngarazha@yandex.ru*

The article analyzes the main starting points of the National Socialist ideology and practice of separating the people of the Soviet Union in the space of the occupation regime, prison camps and forced labor. There is considerable difference between the proclaimed slogans and the actual ratio of the people of the North Caucasus from the Nazi Germany. Mechanisms of propaganda and appeals to ethnic stereotypes and prejudices, to vanity, lust and other qualities to survive, often going against the feelings of humanity, are clear and understandable, but do not have the desired effect due to a mismatch with reality and contradictions with the value beliefs of the Caucasus people. When results as leverage over the Cossacks, the Caucasus people; search and find points of conflict with the Soviet Union was not understood a fundamental point of socio-cultural unity of the people, their common history and traditions. These factors become dominant in speculation and propaganda campaigns, gradually accumulating errors and turns of the call for freedom in the flow of lies and hypocrisy. Study of the problem also showed that the category «race» and «nationality» to the Nazi regime in the problem of using of labor of prisoners of war and civilians of the occupied countries were closely linked to the definitions of «food», «stay», «wages» and «skill jobs». Thus, the categorical definition of utility is not the man himself appeared in the unity of its unique qualities and ethnic characteristics, and the presence of his property against the effects of the enemy – the Soviet Union.

Keywords: eastern workers, Ostarbaiter, prisoners of war, World War II, the Third Reich

Идеология нацизма целенаправленно формировала комплекс необходимых им установок в массовом сознании на основе создания социальных и национальных стереотипов. Поощрялось натравливание народов друг на друга, чтобы помешать их возможному объединению; считалось возможным выделение отдельных народов «недостойными» не только нормальных условий жизнедеятельности, но и самой жизни; обосновывалось, подчеркивалось, внушалось интеллектуальное, психосоциальное и физиологическое превосходство

одних народов над другими как естественное, более того, как моральная норма.

Опираясь, прежде всего, на «теории» о расе и «жизненном пространстве», гитлеровская пропаганда внушала собственному населению, что война против СССР – это борьба всего доброго против «ада», который угрожает жизни каждого немца. Солдаты вермахта призывались к «крестовому походу против угрожающего из азиатских степей красного наводнения», к борьбе с опасностью, идущей от «красных комиссаров», в которых якобы «олицетворяется

глубокая ненависть ко всему действительно человеческому» [7]. «Под угрозой было самое существование немецкого «народа», задача заключалась в том, чтобы защитить европейскую «культуру» от варварских орд» [17]. Распространение подобных идеологических постулатов, с их несколько противоречивым акцентом и на угрозу и на бесполезность советской системы и народов, обнаруживается во многих директивах и других документах Третьего рейха.

А.И. Уткин пишет, что «надо отдавать себе ясный отчет в том, что идеология нацистской Германии и Советской России не имели ничего общего... Немецкие школьники учили, что мировая культура и наука происходят от германского корня, что «Германия – превыше всего» и задачей живущего поколения является обеспечить ей самое лучшее место под солнцем. Советские школьники учили наизусть Гёте и Шиллера, их воспитывали в безусловном уважении к великой германской культуре и науке» [13].

Дж. Хоскинг считает, что на волне агрессивного антисемитизма и в советской пропаганде возникает воинственный национализм [14]. В качестве антитезиса можем привести отрывок из одного германского документа периода Второй мировой войны, говорящего об адекватной оценке противника (хотя и преподносимой с долей сарказма): «...Во всем Советский Союз сразу стал «национальным». Не чисто национально-русским, но все же национально-русским, национально-грузинским или национально-татарским и так далее. Потому что Советский Союз ведь не Велико-русское государство, а союз «свободных» народов...» [12].

Помимо возрождений традиций патриотизма в общественном сознании военных лет произошла активизация архетипа соборности. Общество-монолит, сплоченное ради достижения общезначимой цели, избавившееся от социальных конфликтов и напряженности – идеал правящей партии. Политической консолидации общества и укреплению дружбы народов СССР советское государство уделяло самое пристальное внимание. В период Великой Отечественной войны получили распространение листовки, в которых говорилось о счастливой довоенной судьбе и героической смерти от рук нацистов советских граждан различных национальностей. Прежде всего, они были нацелены на демонстрацию героизма бойцов многонационального Советского Союза и, следовательно, дружбу и единство в борьбе с фашизмом советских народов. В листовках, обращенных к казакам, отражалось смягчение власти к субэтносу, при-

знание его права на существование в рамках многонационального государства.

Сообразуясь со спецификой кавказского участка фронта, где многие воины слабо владели русским языком, особое внимание политорганов было уделено выдвижению пропагандистов из бойцов и младших командиров нерусской национальности, издаванию газет, брошюр, листовок на языках народов Кавказа. В октябре 1942 года в частях фронта среди бойцов-кавказцев работали 3 000 политработников [15].

В годы войны нельзя было игнорировать действия вражеской пропаганды, особенно в непосредственной близости от противника. Поэтому задача информирования населения была первостепенной важности. Так, в брошюре, изданной под грифом «В помощь агитатору», «Что несет фашизм народам Дагестана», подробно и в доступной форме излагались действительные планы нацистов в отношении народов Кавказа, приводилось большое количество примеров пыток и убийств мирного населения. Авторами брошюры учитывались и местный, национальный колорит: Гитлер сравнивался с Надир-Шахом, «кровавым завоевателем, с которым сражались наши деды» [11].

Вместе с тем оккупационная политика на Северном Кавказе и в казачьих областях Дона, Кубани и Терека была менее жестокой, чем на Украине или в Белоруссии. На Кавказе в лексикон оккупационных властей вводились такие понятия как «свобода, независимость и совместная работа», запрещались деревенские старосты, бургомистры не назначались, а избирались (хотя и формально). Но когда в начале 1943 года немецким войскам пришлось оставить Кавказ, то ими проводилась та же самая практика выжженной земли, что и на других участках советско-германского фронта [8].

Гитлеровцы большие надежды возлагали на казачье население, рассчитывая обрести в его лице осязаемую оппозицию советской власти. На Северный Кавказ для агитации среди казачества были доставлены белогвардейские генералы П. Краснов и А. Шкуро, которые убеждали казаков вступать в специальные части для борьбы на стороне вермахта. При первой встрече генерала Клейста и полковника Г. фон Паннвица, прибывшего в Ставрополь для формирования 1-й казачьей кавалерийской дивизии генерал прямо сказал, что «заклинает импровизировать в пропаганде» [16]. Скорее всего, это должно было трактоваться как санкционирование применения максимума средств для привлечения казаков на сторону немцев.

М.Я. Геллер и А.М. Некрич, утверждают, что исключение, допущенное Гитлером в отношении казаков, было сделано, после того как фюреру доложили о том, что казаки являются отдельной нацией и даже потомками остготов [3].

Все призывы, обещания и гарантии нацистов в отношении казаков основой своей имели следующую тезис: «...всем казакам, принявшим участие в борьбе за освобождение родного края с оружием в руках, германское правительство гарантирует уничтожение колхозов и полное восстановление казаков во всех правах на хозяйство и земельные наделы» [2].

В устной и письменной агитации нацисты взывали к обиде на советскую власть за репрессии, взывали к исторической памяти воинского сословия России. «Где Вы, почетные, убеленные сединами, разумные старики Кубани, создатели хуторов, станиц и городов, носители Кубанской войсковой славы и почестей! – говорилось в воззвании городского головы Майкопа Н.В. Палибина, – ...не сломлены могучие казачьи натуры с железной волей, любовью к свободе, уцелели еще эти люди...» [4]. Оккупационные газеты трубили: «...Германская армия освободила Кубань от жидо-коммунистического гнета, для нашего казачества возшла яркая заря возрождения...» [9].

Часть казаков шла на сотрудничество с оккупантами, что было следствием ошибочной, часто преступной политики советской власти в отношении казачества в годы социалистического строительства, а не большим достижением немецкой пропаганды. Численность казаков-коллаборационистов оказалась, к разочарованию гитлеровцев, незначительной. Б.О. Алферьев приводит данные самого генерала Панница о том, что 40% личного состава «добровольческих» частей составляли полицейские, беженцы, дезертиры, сбежавшие из Красной Армии или уклонившиеся от призыва, среди которых был весьма велик процент уголовных элементов [1].

Национальные «добровольческие» части из народов Северного Кавказа также часто формировались насильственными методами, не щадя ни детей ни стариков, заигрываниями, обещаниями, путем откровенной лжи, и даже подкупа. Успешное наступление Красной Армии способствовало окончательному подрыву нестабильного морального состояния коллаборационистов и массовому их переходу на сторону партизан и дезертирству [10].

Этническая и религиозная неоднородность советских людей наблюдалась и среди военнопленных и гражданских лиц,

активно используемых нацистской Германией. Исходя из множества целей: от содержания столь больших масс людей в состоянии полного подчинения при условии рабского труда и нечеловеческих условий до идеологических манипуляций и стратегии духовного разобщения народов и подрыва исторически сложившихся основ их общежития, предпринимались конкретные мероприятия по этническому ранжированию военнопленных и остарбайтеров. Они распространялись даже в пределах тюремного заключения.

В особую группу выделялись представители народов Кавказа и казачество. В целом отделяли и проверяли в лагерях военнопленных следующих национальностей: туркестанцев, кавказцев, финнов, карелов, ингерманландцев, казаков [6].

Так, например, по свидетельству татарина из Азербайджана Хузина Шарифа Ахендовича, бывшего в плену с 11.05.1942 г., среди пленных набралось 49 нацменов (татары, грузины, армяне, узбеки и т.д.), их на работу не отправляли с русскими. Всех поместили в блок «М» – специальный нацменский блок. В январе 1943 года в нем было около 1 500 человек. Отсюда тоже посылали команды работать на шахты, только из одних нацменов составлялись [5].

Заключение

В целом, отметим, что все слова, действия, пропагандистские акции, направленные на разобщение многонационального и поликонфессионального Советского Союза – это оружие войны против государства, ни в коей мере не стремление в выделении одного народа, придание ему действительно избранного особого значения и уважения.

Список литературы

1. Алферьев Б.О. Походный батько фон Панниц. – М., 1997. – С. 30–31.
2. Вестник Кубани. 1943. 10 января.
3. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – М., 2000. – С. 394.
4. Государственное казенное учреждение культуры Республики Адыгея Национальный архив Республики Адыгея (ГКУК РА НАРА). Коллекция документов (август 1942 – январь 1943 гг.) Д. 1. Л. 13.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р – 7021. Оп. 102. Д. 2 а. Л. 94–95.
6. ГАРФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 84. Л. 26–28. 27.10.1941 г. Имперский министр труда. Президентам провинциальных трудовых управлений (включая район Нюрнберг).
7. Гриднев В.М. Провал фашистской пропаганды на временно оккупированной территории СССР // Вопросы истории. – 1986. – № 10. – С. 35.
8. Князьков А.С. Оккупационный режим. Партизанское движение // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. – М., 2004. – С. 269–270; Малышева Е.М. Движение сопротивления в период временной нацистской оккупации Северного

Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 2. – С. 75–81; Лохова Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в условиях временной нацистской оккупации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 36–43.

9. Майкопская жизнь. 1942. 18 октября.

10. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Майкоп, 2000. – С. 186–194.

11. Пискунов В., Шрайдман Г. Что несёт фашизм народам Дагестана. – Махачкала, 1942. – С. 36.

12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.125. Д.166. Л.67–68. [Статья В. Рейнхарда была опубликована под грифом «Только для служебного пользования в пределах армии» в нацистском журнале «Что нами движет» в 1943 году. Перевод её на русский язык был осуществлён для дальнейшего использования в советских пропагандистских целях. На это указывает название папки, в которой хранится данный материал.]

13. Уткин А.И. Россия над бездной (1918–дек. 1941 года). – Смоленск, 2000. – С. 468.

14. Хоскинг Дж. История Советского Союза (1917–1991). – Смоленск, 2001. – С. 263.

15. Шайдаев М.Г. Партийно-политическая работа в советских войсках в оборонительный период битвы за Кавказ // Народный подвиг в битве за Кавказ. – М., 1981. – С. 173–174.

16. Kern E. General von Pannwitz und seine Kosaken. Gottingen, 1963. – P. 43.

17. Schulte T.J. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, 1989. – P. 150.

References

1. Alfer'ev B.O. Pohodnyj bat'ko fon Pannvic. M., 1997. pp. 30–31.

2. Vestnik Kubani. 1943. 10 janvarja.

3. Geller M.Ja., Nekrich A.M. Utopija u vlasti. M., 2000. p. 394.

4. Gosudarstvennoe kazенное uchrezhdenie kul'tury Respubliki Aдыгеja Nacional'nyj arhiv Respubliki Aдыгеja (GKUK RA NARA). Kollekcija dokumentov (avgust 1942 – janvar' 1943 gg.) D. 1. L. 13.

5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R 7021. Op. 102. D. 2 a. L. 94–95.

6. GARF. F. R 7021. Op. 148. D. 84. L. 26–28. 27.10.1941 g. Imperskij ministr truda. Prezidentam provincial'nyh trudovyh upravlenij (vključaj rajon Njurnberg).

7. Gridnev V.M. Proval fashistskoj propagandy na vremenno okkupirovannoj territorii SSSR // Voprosy istorii. 1986. no. 10. p. 35.

8. Knjaz'kov A.S. Okkupacionnyj rezhim. Partizanskoje dvizhenie // Vojna i obshhestvo, 1941–1945. Kn. 2. M., 2004. pp. 269–270; Malysheva E.M. Dvizhenie soprotivlenija v period vremennoj nacistskoj okkupacii Severnogo Kavkaza // Vestnik Aдыгеjskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: Filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2008. no. 2. pp. 75–81; Lohova T.V. Sel'skoe hozjajstvo Krasnodarskogo kraja i Aдыгеjskoj avtonomnoj oblasti v uslovijah vremennoj nacistskoj okkupacii // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2012. no. 2. pp. 36–43.

9. Majkopskaja zhizn'. 1942. 18 oktjabrja.

10. Malysheva E.M. Ispytanie. Socium i vlast': problemy vzaimodejstvija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Majkop, 2000. pp. 186–194.

11. Piskunov V., Shrajdman G. Chto nesjot fashizm narodam Dagestana. Mahachkala, 1942. p. 36.

12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F.17. Op.125. D.166. L.67–68. [Stat'ja V. Rejnharda byla opublikovana pod grifom «Tol'ko dlja sluzhebnogo pol'zovanija v predelah armii» v nacistskom zhurnale «Chto nami dvizhet» v 1943 godu. Perevod ejo na russkij jazyk byl osushhestvlen dlja dal'nejshego ispol'zovanija v sovetskih propagandistskih celjah. Na jeto ukazyvaet nazvanie papki, v kotoroj hranitsja dannyj material.]

13. Utkin A.I. Rossiya nad bezdnj (1918–dek. 1941 goda). Smolensk, 2000. p. 468.

14. Hosking Dzh. Istorija Sovetskogo Sojuza (1917–1991). Smolensk, 2001. p. 263.

15. Shajdaev M.G. Partijno-politicheskaja rabota v sovetskih vojskah v oboronitel'nyj period bitvy za Kavkaz//Narodnyj podvig v bitve za Kavkaz. M., 1981. pp. 173–174.

16. Kern E. General von Pannwitz und seine Kosaken. Gottingen, 1963. p. 43.

17. Schulte T.J. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, 1989. p. 150.

Рецензенты:

Малышева Е.М., д.и.н., профессор, Академик РАЕН, профессор Адыгейского государственного университета, г. Майкоп;

Курбанова Л.У., д.соц.н., к.и.н., профессор Грозненского государственного университета, г. Грозный.

Работа поступила в редакцию 02.02.2015.